

Мегобері мєану

Кані

Кай

Медовый месяц

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=30082318

ISBN 9785449049117

Аннотация

Десерт для души. Вкушайте не спеша. В 19 веке многие семьи приняли, что даже самых близких людей может внезапно забрать болезнь. Потеряв свою мать, под чьим крылом она провела все свои годы, Лорелеи понимает, что совершенно не знает жизни. Ища себя и оживляя детские мечты, она познаёт мир, впервые позволяет себе испытать пламенное чувство любви, познать чарующий с детства мир искусства и принять потерю, которая с налётом времени уступает место благодарности и шлейфу приятных воспоминаний.

Содержание

Афиша	5
Посвящения	6
Прелюдия: в небе разлились молоко и мёд	7
Увертюра: перья	8
Антракт	12
ДЕЙСТВИЕ 1: золотая роса	13
Картина 1 – вишня	13
Картина 2 – дыня	18
Картина 3 – бергамот	23
Картина 4 – петуния	28
Картина 5 – ваниль	33
Картина 6 – корица	40
Картина 7 – бадьян	45
Конец ознакомительного фрагмента.	48

Медовый месяц

Кай

Дизайнер обложки Алвери Шевольер

© Кай, 2018

© Алвери Шевольер, дизайн обложки, 2018

ISBN 978-5-4490-4911-7

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Афиша

Весь мир – театр

В нём женщины, мужчины – все актёры.

У них свои есть выходы, уходы,

И каждый не одну играет роль.

Семь действий в пьесе той.

Посвящения

Для Алвери

Марлин

Дианы

и

Эми

Прелюдия: в небе разлились молоко и мёд

С рассветом выгляни в окно, душа моя ты светлая,
И ты найдёшь тепло, и свет, цветы и аромат их золотой.
Тогда же, упиваяся пылью, оденься в платье летнее
Да с распростёртыми объятьями встречай меня скорей.

Я покажу тебе места, где все мечты рождаются:
Вдвоём отправимся мы к морю и в мягких водах
искупаемся,
Ночами долго и беспечно мы будем звёзды яркие ловить;
А поутру тебя оставлю я, и ненадолго мы расстанемся.

Ах лето! До чего ж прекрасно, как с каждого угла
украдкой
Я слышу солнца горячей признания в любви.
Так не тяни же, ночью поскорее беги на тихие поляны ты
Да сердце подари тому, кому оно дороже собственной
души.

Увертюра: перья

Сколько я себя помню на улице Йем стояло небольшое кафе. Маленький чёрный домик незаметно втиснулся между гигантов из фресок и эркеров. Он прекрасно виднелся из моего окна за тонким тюлем занавесок.

Внутри, среди тёмной древесины, было уютно и стоял густой аромат кофе. Народу там водилось немного, да обитало там какое-то волшебство, так что для всякого захожего кафе становилось что второй дом. Туда часто приходили двое – мама с дочкой. Обе всегда держались за руки, одетые в пальто бурого цвета, вязанные тёмно-фиалковые шапочки и обвёрнутые зелёными шарфами. Их одежда пахла разогретым мягким пластилином. Из-под берета мамы падали каштановые волосы, а у девочки на голове творился беспорядок из огненных кудрей.

Каждый раз, когда у двери звенел колокольчик, кофевар поднимал глаза с надеждой встретить их. Они брали кофе со сливками и корицей и частенько засиживались в самом укромном уголке в уюте и тепле допоздна.

На вязаном диване мама с дочкой рассматривали большой альбом с рисунками. На них рядом с мамой часто появлялся какой-то дядя. Они выглядели так молодо вместе и оба счастливо улыбались. Мама называла этого человека папой. Она подолгу глядела на рисунки, и иногда из её глаз начи-

нали течь слёзы. Мама запивала их кофе и крепко обнимала девочку. Лишь затем на её лицо вновь возвращалась улыбка.

Шло время, и маленькая девочка росла. Кафе ветшало и из раза в раз залатывало себя – от этого оно становилось как будто прекраснее. Время красило его. Девочка по-прежнему заглядывала туда, только теперь без мамы. В кафе она улыбалась за книгами с кофе да дымила из тонкой длинной трубки. За собой она оставляла лёгкий аромат вишни и белого шоколада.

Мама не знала, что девочка курит. Она слегла с тяжёлой болезнью, бледнела с каждым днём, а тело её холодело. Мама едва говорила и только изредка просила принести ей альбом. Она проводила пальцами по старой бумаге и нежно улыбалась. Мама увядала на глазах. Девочка волновалась, и больше всего ей хотелось увидеть папу рядом. Ей становилось интересно, кем был папа и куда он исчез. Почему его не было рядом в такое важное время? Она не могла вернуть его для мамы, поэтому согревала сердце мамы любимым кофе из кафе.

Не прошло много времени как девочка вовсе перестала появляться в кафе. В далёком поместье с бабушкой-графиней при слезах они простились с мамой и положили её в скромный семейный склеп.

Девочка ужасно скорбела. На первую пору она остановилась у бабушки. Молча они сидели в саду, вязали, смотрели на старые рисунки, пили чай и вспоминали любимую дочь

и мать. Потом девочка вернулась домой и долго не появлялась в свет. Бывало она садилась на мамин диван с трубкой в руках и рассматривала альбом. Пусть она обещала себе не плакать, при виде маминой улыбки слёз ей было не сдержать.

Спустя некоторое время она заглянула в кафе. Девочка взяла кофе со сливками и думала направиться в свой уголок, как заметила там юношу. Он внимательно читал книжку с чашкой кофе в руке. Девочка хотела было занять другое место, как он поднял глаза и улыбнулся ей. Она присела напротив, закурил трубку, и стала пить кофе. Незнакомец молча рассматривал её украдкой. Волей-неволей их взгляды встречались, и девочка ненароком принялась разглядывать его. Оттого она и не чуралась ответить на его вопрос.

– Меня зовут Лорелеи, – тихо сказала она.

– Какое красивое имя, – ответил незнакомец. – Я Скайт. С детства обожал мечтать и забираться на высокие места, чтобы видеть всё вокруг, вот родители назвали так. А у твоего имени есть история?

– Да. Так зовут водяных духов с прекрасными голосами, которые посылают моряков на верную гибель к утёсам своими напевами. Но моя мама считала Лорелеи добрым лесным духом с одеждой из листьев и шляпкой из птичьего гнезда. Своим ангельским голосом она чарует всех лесных жителей. А так уж вышло, что петь я совсем не умею.

Скайт улыбнулся. Невольно Лорелеи позволила уголкам

губ подняться. Через запах кофе до неё долетели исходящие от Скайта ароматы моря и смолы.

– Ты здесь в первый раз? – спросила Лорелеи. – Я никогда раньше не видела тебя здесь.

– Так бывает, – мягко отвечал он. – Иногда глазам видно только то, чего хочет сердце.

– Значит ли это, что сейчас ты нужен мне?

– Возможно, – пожал плечами Скайт. – Только сердце может знать наверняка.

Оба продолжили знакомство молча. Лорелеи стала распускать в воздухе клубы вишнёвого дыма, а Скайт вернулся к желтоватым страницам книги. Когда кофе между ними закончился, Лорелеи подняла взор и попрощалась со Скайтом.

– Была крайне рада нашему знакомству!

А его уже и след простыл – на столе осталась только его книжка в бордовой обложке. Лорелеи положила томик в вязаную сумку и вышла из кафе. Дома она уселась на мамин диван и бережно и медленно перелистывала страницы за чтением, неспособная оторваться. Перед сном Лорелеи открыла последнюю страничку и тепло улыбнулась маленькой подписи.

«Мне тоже невероятно повезло встретить тебя здесь!»

Антракт

Первым золотом в году мы осветим все грядущие надежды и часы, я заберу тебя в страну безвременных полётов, как это же однажды сотворила ты.

ДЕЙСТВИЕ 1: золотая роса

Картина 1 – вишня

Лорелеи изо дня в день заходила в кафе и проводила время в их с мамой уголке рядом со странным человеком по имени Скайт. Мама была как якорь, за который она держалась в бескрайнем океане, и когда он исчез, Скайт стал её спасением. Он рассказывал ей невероятные истории и оставлял за собой книжки, в чьих страницах она узнавала больше себя, чем могла вообразить. Они могли говорить днями напролёт, и никогда им не хватало друг друга.

В детстве Скайт был неугомонным мальчишкой. Его семья жила в большом доме посреди леса, который Скайт знал вдоль и поперёк. Он резвился в чаще, собирал ягоды да грибы и забирался на верхушки самых высоких деревьев, чтоб послушать, как они трещат и качаются от ветра. Животные любили его: белки без страха взбегали ему на плечи, а на голубу то и дело садились воробьи. У Скайта была сестра. Её густые чёрные волосы стелились за ней дорожкой, а тонкие руки и длинная шея напоминали эльфов. Босиком она обходила лес в тонких как морской ветер одеждах, собирала ягоды в большую корзину, чтобы дома приготовить варенье на всю длинную, холодную зиму, какая приходит в те места.

Родители Скайта пекли пироги с начинкой из её варенья. Папа растил злаки на небольшом поле, молот их в муку на своей мельнице, а там вместе с мамой месил тесто. Тесто они раскатывали, укладывали начинку и на лопате засовывали пироги в самое пекло раскалённой печи. И какой тогда запах стоял на весь дом! Часть выпечки они приберегали для себя, а часть относили в пекарни неподалёку, где жители мигом раскупали все до единого пирога. Они оживляли нежность в сердце и напоминали детство, когда никто ещё не умел запирать душевные тайники на засовы и не просто верил, а знал, что самое важное в мире глазом не увидишь и руками не потрогаешь.

Скайт как будто пришёл из другого мира. Изодня в день он тихо появлялся и незаметно исчезал. Казалось, одна Лорелеи видела его. С каждой встречей её сердце всё больше открывалось ему. Девочку от души удивляли его рассказы. Ей думалось, что её обычное детство нисколько не удивит его, но впервые кто-то слушал о нём с таким блеском в глазах, как он.

Лорелеи родилась в диковинной усадьбе бабушки-графини прямоком из прошлого века. Росла и играла она с воображаемыми друзьями в благоуханном саду. Розы, камелии, лилии, пионы, гладиолусы и тюльпаны окружали девочку с детства, как и бабушкины истории о знакомстве со своим мужем – дедушкой. В усадьбе девочка собирала цветы и раскладывала их по старинным столикам рядом с книгами о пре-

красных рыцарях, странниках, мудрых волшебниках и чувственных встречах. Цветы наполняли усадьбу внутри и окружали её снаружи. Такая была и душа бабушки: она не принимала людей, которые не относились к своей душе как с самому ценному цветку на свете.

Когда Лорелеи исполнилось шесть, мама забрала её в свой небольшой дом в прибрежном городе. Сперва девочка терпеть не могла выходящие на узкие улицы маленькие высокие оконца, стоящие повсюду свечи, но со временем полюбила их всем сердцем, как походы в кафе. Людской говор, тихие улочки, ярмарки, побережье, розарии – словом, вся городская жизнь приглянулась ей.

Шло время, и телом девочка росла, хотя в душе её мало что менялось. Рядом со Скайтом она оставляла все манеры в стороне. Она хохотала, читала ему любимые книжки, сочиняла любившиеся ему поэмы. Некоторые дни Лорелеи целиком проводила дома и разбирала мамины вещи. Она клеивала собранные ею со всего света марки в альбомы, раскладывала чай по жестяным коробочкам, латала и развешивала по шкафам старые платья, заменяла огарки свечей на новые свечи. На место скорби приходили тёплые воспоминания. Девочка делилась переживаниями со Скайтом, и он помогал ей справляться с ними.

Случилось, что он сказал ей:

– Мы ведь уходим все. Но никогда не теряем тех, кто однажды поселился в сердце. Такие люди навсегда с нами. Боль-

ше всего счастья им в нашей улыбке. Им бы не хотелось, чтобы всю жизнь провела в слезах даже после их ухода. Улыбайся, ради них, Лорелеи.

Мало-помалу она прислушалась к его словам. В город приходило лето. Каждое утро Лорелеи открывала окно и улыбалась навстречу теплу. С атласной шалью на плечах она заваривала травяной чай и пила его, ловя летящий с улицы цветочный аромат и слушая песни воробьёв да чак-ек. Яркое солнце и шум моря наполняли её нутро теплом. А по вечерам она слушала цикад и наполняла трубку вишней при закате. Лорели смотрела на подсвеченные свечами окна и вспоминала Скайта. Она пела ему песни, шептала стихи и заклинала ветер донести её слова ему.

Во сне девочка мечтала о нём. Жар поднимался из её груди и занимался румянцем на щеках. Ей снился сон. Она резвилась на ярком летнем лугу, рядом стояли мама с папой, держась за руки. Над многими цветами порхали бабочки и жужжали шмели. Лорелеи играла с таким же маленьким мальчиком, как она. С ним была его длинноволосая сестра и родители-пекари. Девочка играла с ними тремя, пока родители сидели на скрипучих качелях и с улыбкой обсуждали детей. Они были счастливы.

Лорелеи хотелось навсегда остаться на поляне рядом со Скайтом, его сестрой, их родителями и своими. Но яркие лучи утреннего солнца прогнали дремоту, и ей пришлось отпустить его. Лорелеи выглянула в окно, на пустынную ули-

цу. Совсем скоро по ней полетит тополиный пух и вновь побегут дети.

Так пришло лето.

Картина 2 – дыня

Лорелеи вышла из дома ранним утром, направившись в театр. Старый, с широкими выдавшимися видами сценами, тяжёлыми портерами и высокими люстрами. Девочка присела в коридоре и стала ждать своего черед. Она разглаживала волосы любимой маминой расчёской с изображением улыбающейся русалки.

Мама без памяти любила море. Особенно ей приходилось по душе гулять по миром забытым маякам. По длинным винтовым лестницам и прямиком в смотровую кабину, где она смахивала пыль со ржавых запылённых кресел и высматривала все до единой лодочки вдали. Мама всем сердцем надеялась, чей б корабль ни шёл, что команда вернётся домой в сохранности, где моряков встретят счастливые дети и возлюбленные. А по другую руку лежал лес: среди густых деревьев примостились лесорубы и ютилось бог знает сколько диковинных творений природы вдали от луча света. Мама обращалась то к воде, то к деревьям, и не сыскалось место в мире для неё роднее маяка между лесом и морем.

Девочка расчесала волосы и прижала сумку поближе к груди. Она никогда раньше не пробовала себя в актёрском деле и представляла, как это должно быть сложно. Через театр Лорелеи надеялась сблизиться с мамой. На сцене она смогла бы снова и снова переживать дорогие моменты и чув-

ства, расставаться не пришлось бы никогда. Ей хотелось вернуться в лучшие места своей жизни и посетить те, где она мечтала побывать.

Вскоре Лорелеи приняли. Она волновалась, но выступила хорошо. Её попросили сыграть домохозяйку, которая прибиралась на кухне под простенькую песенку. Ей прекрасно удалось передать образ, правда песня показалась ей никудышной. В итоге Лорелеи назначили учителя по вокалу и фортепиано и решили отпустить с богом. Девочку поразило, как прохладно эти люди принимают артистов. Они казались такими далёкими от мира, им будто едва удавалось разглядеть происходящее на сцене. Сами они вовсе не были прекрасными актёрами. В их действиях не было жизни. Что-то в их глазах и нескладных движениях выдавало игру. Актёры словно боялись зайти слишком далеко и сердцем прочувствовать эмоции другого человека. Поэтому даже вне сцены они чувствовали пугающе мало. Наверно, им до сих пор невдомёк, что в жизни не бывает счастья без печали и обид, и всё они бегут. Вот и вся жизнь становится сплошной игрой в чужие сердца и жизни.

После приёма Лорелеи зашла в кафе. Когда она распахнула дверь, с самого низа её живота в грудь поднялось ярое тепло. Сегодня кофевар обязался приготовить ей особенный кофе. В её укромном уголке в одиночестве колыхались свечи, однако ж Лорелеи взяла два кофе и присела за стол. Первый глоток, от удовольствия она закрыла глаза: карамель

и ваниль нежно сошлись на языке. Девочка медленно открыла глаза. Скайт сидел напротив со своим кофе в руках. Он улыбнулся ей. Лорелеи как зачарованная смотрела, как Скайт подносит чашку ко рту и делает первый глоток.

– Я никогда не пробовал такого вкусного кофе, – промычал он.

– Я тоже, – призналась Лорелеи. – Скайт, мне приснился сон с тобой. Мы вдвоём были на поляне, ещё совсем детьми, играли с твоей сестрой, пока родители сидели на качелях и смотрели на нас. Они были так счастливы. Я скучаю по маме и всему, что было прежде. А во сне я отчётливо видела отца, хотя его я помню слишком плохо. Уверена лишь, что мама без ума любила его. Он был моряком, и сошлись они из-за своей любви к морю. Папа уплывал в далёкие плаванья, а мама подолгу высматривала его корабль из самого высокого маяка. В кабине она молилась за него и чувствовала себя ближе к нему, где бы на свете он ни был... Её было сложно вернуть домой оттуда.

– Я проснулась со странным чувством во всём теле. Мне вспомнились твои слова. Ты сказал, что пришёл, потому что сейчас ты нужен мне. Я всю жизнь провела рядом с кем-то, кто заботился обо мне. Впервые я узнаю новые чувства, и людей, и места, и мечты – всё сама. Я впервые чувствую, как мне хочется заботиться о ком-то не только родном. Всё это тепло подарил мне ты. Мне хочется быть ближе к тебе, Скайт.

Его глаза заблестели. Он осторожно протянул руку к ней. Тёплой и мягкой ладонью он прильнул к щеке Лорелеи и подушечками пальцев утёр её слёзы. Он искренне улыбнулся девочке и оставил едва ощутимый поцелуй на лбу.

– Ты знай, что никогда не останешься одна, – руками Скайт покрыл её сердце. – Вот здесь живут все родные и любимые, с ними ты всегда можешь говорить. Сюда слетаются письма от всех душ, с которыми тебе довелось жить. Ты делишься частичками своего сердца с другими людьми, а взамен они отдают тебе свои. И выходит, ты по кусочкам собираешь их и начинаешь звать своим сердцем частички всех самых важных тебе людей. Даже сейчас, как моя рука лежит на твоём сердце, я хочу отдать ему себя и навсегда остаться рядом, если ты позволишь мне.

– Я хочу сохранить всего тебя, Скайт, – Лорелеи обняла его руку. – Ты вдруг появился и рассказал мне, полной незнакомке, всё о себе. Я с первого часа полюбила твои истории. Они полны домашнего тепла. Я хочу получать письма от тебя прямиком в своё сердце. Твоя душа согревает меня. Я лишь надеюсь, что однажды смогу понять её, как свою собственную. Прошу, только оставайся рядом...

Несколько минут они сидели рука в руку. Их глаза были закрыты, а на лице застыла мечтательная улыбка. Лорелеи первой распахнула очи и осторожно уложила руки Скайта на стол.

– Я с детства мечтала быть актрисой. Сегодня я наконец

сходила на приём. Меня встретили такие странные люди. Они зовутся актёрами. Их лица похожи на готовые вот-вот лопнуть воздушные шарик, как будто в них так много эмоций, и им некуда деваться. Они играли роли, а я хотела жить, но это они судили, насколько я была хороша. Я хочу быть настоящей актрисой и жить каждым из лоскутков своей души. Представь, выходить на сцену и отживать чью-то неповторимую полную эмоций жизнь за пару часов, но так что вся она остаётся в тебе. Мне хочется все свои годы отдать театру, потому что я жажду жить.

– Я обязательно буду рядом, – улыбнулся Скайт. – Обещаю, что не оставлю тебя. Рядом с тобой моя жизнь – мечта наяву, и я не знаю чувства лучше.

Лорелеи отпила кофе, прикрыв глаза. Моментом позже мальчик исчез, но девочка знала, что каждый день он будет ждать тут. За ними осталось ещё много кофе и нерасказанных историй.

Девочка убрала оставшуюся на столе книжку в сумку. Вернувшись домой, она наполнила комнаты дынным дымом. Она села на диван и распахнула новую книгу. Всю ночь на тихой улице Йем в единственном окне мерцала тонкая свеча. При её свете на лице Лорелеи всю ночь проносились от мала до большого чувства.

В этот день сердцами сошлись два неисправимых мечтателя.

Картина 3 – бергамот

С первыми лучами солнца её окна распахнулись навстречу возгласам бегущих к побережью детей. Наступило время, когда впрок сутки напролёт держать окна открытыми без боязни простыть и впускать мягкий ветер в тело. Девочка заварила чёрного чаю. По всему дому разошёлся аромат бергамота. Она достала пишущую машинку из шкафа и с полной кружкой села за стол.

У неё в голове ни с с того ни с сего родилась настоящая людская жизнь. Это была пьеса об одиноком ангеле в большом городе, которая спустилась с небес и искала счастья среди людей. Девушка любила шум моря и тёплые ночи. Днём она в одиночестве ходила по библиотекам и читала романы с запашком философии; с заходом солнца она спускалась в скверы в поисках незнакомцев, которые покажут ей город. Всю ночь они ходили по улицам, обнажали друг другу душу, а под утро навсегда расставались. На утёсе у побережья они вместе встречали рассвет, пока город ещё спит, и обнимали друг друга так, как не обнимали ещё никого. Но с последней звездой на небе момент проходил с объятиями ночи: незнакомец исчезал, а ангел опускалась на колени в огромных полях пшеницы и вспоминала дом. Всё совершённое ночью навсегда оставалось в темноте. С людьми ангел узнала любовь, отвагу, страсть, набрала много воспоминаний, собрала по ку-

сочкам своё сердце и осталась во многих сердцах. Она была свободна, ведь что ни случись, она помнила, что небеса ждут её. А там все поступки и чудеса людского мира станут баснями, которые впору сказывать на ночь детям.

Лорелеи писала весь день. Щёлканье клавиш ласкало её слух. Когда места для пустых чашек на столе не осталось, а у машинки сложилась стопка листов, пальцы Леи опустились на стол. Девочка вздохнула с облегчением. Вскоре она оделась, выбежала на освещённую фонарями улицу, спешно пересёкши её, и скрылась за дверцей кафе. Она поздоровалась с кофеваром, взяла два кофе со сливками, с чашками подошла к вязаному дивану и улыбнулась Скайту.

– Здравствуй, – он отложил книгу в сторону. – Я думал, ты не придёшь сегодня.

– Разве я могла? Я писала весь день напролёт. Скайт, это замечательное чувство! Люди на бумаге ведут свою настоящую жизнь. Я словно видела их наяву и записывала чью-то правдивую историю как свидетель. Есть столько чернил, которые не попадают на бумагу, и иногда мне кажется, что самые красивые истории всегда останутся нерасказанными. Книги – это как окно в чью-то большую жизнь, что и за тысячу страниц нельзя передать во всей полноте. Я уверена, что Богу не важно, сделаны люди из чернил или воды, он всех любит как мы есть и доверяет нам самим рисовать свою неповторимую жизнь.

– Я мало думал о боге. Я всю жизнь жил в лесах, любил

семью, говорил с животными и верил, что нет ничего лучше. Я не знал бога, а счастье всегда было у меня под носом, так зачем мне верить в него, когда я мог верить в себя и нас?

– Все верят во что-то. Ведь всякому бывает страшно. Столько неясных чувств иногда накрывают сердце, отчего жизнь становится чужой и пугающей. Мы в семье искали бесстрашия у Бога.

– Мама как-то рассказала, как однажды она чуть не утонула. Она купалась в море и не заметила, как заплыла слишком далеко. Её охватила паника, а рядом не было ни души, чтобы помочь. В один момент она поняла, что не сможет выплыть. Мама закрыла глаза и отдалась надежде. Она рассказывала, как её спины словно коснулась большая тёплая ладонь, а проснулась она уже на берегу. После этого случая мама влюбилась в море и всё связанное с ним. Она верит, что под водой творятся чудеса, и из морей они выходят на землю к людям.

– Если так, я буду верить в тебя, – сказал Скайт. – Я был свободен, пока не встретил тебя, но теперь я понял, что принадлежать куда приятнее, чем быть беспризорником. Я не хочу свободы без тебя. Мне хочется всегда оставаться рядом. Ты как огромная вселенная для меня: дом в любой части света, только бы рядом с тобой.

– А я так полюбила твой зачарованный мир. Мне хочется сделать из этих двух сказок одну большую историю.

– На это у нас есть целая жизнь. Давай начнём с мало-

го? Скоро придёт жаркое лето. Представь, вместе отправимся на побережье, будем ходить босиком по песку, смотреть на мальков на отмели и золотистые лучи в воде. Море потеплеет, и всяк день мы сможем искать волшебства под водой.

– Я люблю моря, как мама. В них моё сердце дома.

– Мне по душе горы... Когда-нибудь я мечтаю построить домик на альпийской поляне и зажить там вместе со всеми своими животными.

– Ты бы взял меня с собой? – спросила Лорелеи.

– Конечно! Однажды, мы непременно построим свой большой деревянный дом среди горных цветов, я обещаю, и мы навсегда поселимся в нём.

Некоторое время девочка молча сидела, погружаясь в фантазию. Как пришло время прощаться, Лорелеи оставила лёгкий поцелуй на щеке Скайта. С каждой их встречей она всё больше пропитывалась лёгкостью. От мальчика исходил запах альпийских цветов, и аромат уносил высоко-высоко в горы, где воздух мягок как вата и свеж как роса, под ногами качаются цветы-травы, а меж гор белым солнцем блестит малое озерцо.

Лорелеи впервые испытывала любовь. Ей показалось, что точнее всего её описывает полный маленьких цветочков луг – букет из мелких радостей. Как и говорила мама, ей хотелось обнять Скайта, поделиться с ним заботой и сердцем, построить для него дом, тёплый и уютный, и никогда не отпускать. В её мечтах они уже строили домик в горах у бере-

га солнечного озера. Посреди высился старый маяк, а вдали качался и трещал лес с высокими деревьями, аромат долетал аж настолько далеко. Вдвоём они жили там, вместе со всеми его животными и её цветами.

Лорелеи целую ночь перечитывала написанную пьесу. Только к утру она упала в постель, обессиленная. Девочка улыбалась утренней тишине и прохладному ветерку из окна. В её сердце разливались океаны нежности и тепла. Она обрела дом.

Картина 4 – петуния

Сегодня девочке предстояла долгожданная встреча с учителем по вокалу. Лорелеи вышла из дома с лёгким плащом поверх плеч. Тёплый морской ветерок свободно гулял по её платью. С балконов свисали гроздья распускающихся петуний, в высокие кашпо на бульварах выносили цитрусовые деревья, у мясных лавок коты клянчили еду, прачки полоскали бельё в городском роднике. Смех и возгласы детей разлетались по переулкам с побережья. Рестораторы между тем обустроивали летние террасы на площадях да причалах. Девочка остановилась у дома с резными фонарями и тонкими барельефами, где с крыльца ей тотчас улыбнулась пышная девушка с густым русым волосом.

– Заходи, милая, – звонко выдала певица и взяла девочку за руку.

Они зашли в длинный ветвистый коридор. Стены, потолок и пол отделявал вельвет. В углах за матовыми плафонами на тумбах мерцали свечи. Сочась через стекло, огненные язычки колыхались на карминных стенах. Здесь словно всегда стояла тихая нежная ночь, обволакивающая, успокаивающая. После нескольких поворотов певица распахнула дверь в свой кабинет.

– Прошу, дорогая, время поставить твой шёлковый голосок! – прощбетала учитель.

По углам стояли торшеры на пару с полными цветов горшками да вазами, а посередине комнаты расположился славный чёрный рояль. Над ним висела хрустальная люстра. У окна примостилась чайная тумба с чайничком и связками высушенных роз с бордовыми лепестками, а в ящичках хранились невиданные сорта всякого сердцу угодного чая со свету, сочащегося живым ароматом в воздух: белый, чёрный, красный, зелёный, улун, ройбуш, каркаде, английский завтрак и даже загадочный жёлтый чай. Рисунки просторных оперных залов с маленькими певицами да монументальными голосами на сцене висели на стенах и придавали кабинету пущее торжество.

Амелия подпёрла крышку рояли и села на табурет. Мановением руки она пригласила девочку опуститься на стул поодаль. Лорелеи обняла вязаную мамину сумочку на коленях. С самого детства, как мама только начала носить её на плече, девочка пряталась за неё от любых незадач в жизни. Эта привычка осталась за ней до сих пор.

– Что ж, дорогая, для начала расскажи мне немного о себе, – начала певица. – Меня зовут Амелия, и в этом прекрасном уголочке мне довелось ставить голоса многих великих певцов. Кто знает, милая, быть может, ты будешь следующей? Будь уверена, дорогая, со мной ты обязательно воспоёшь! Сперва позволь узнать, как твоё имя.

– Лорелеи. Так зовут обитающую у скал деву с прекрасным голосом. Но я совершенно не умею петь и боюсь, что

только потрачу ваше время впустую...

На деле же голос Леи всегда был замечательным. Да в детстве ей попался незадачливый педагог по вокалу, и она отбила у девочки всякую веру в себя. Она никогда не кричала, не хвалила Лорелеи и не говорила ровным счётом ничего, а взгляд у неё был такой скучающий, словно умом она всегда витала где-то далеко. Музыкакой можно передать все чувства, и больше всего Лорелеи боялась снова увидеть этот взгляд и понять, что её голос не вызывает в людях ничего.

– Ох, что ты, счастье! – рассмеялась Амелия. – Я создаю голоса, дорогая. Даже когда человек говорит, что всё безнадежно, я сделаю его гением в глазах других. Только спроси, милая, сколько на этом табурете сидело таких же конфузлящихся дам и господ. Десятки, если уже не сотни! Я делаю голоса. От тебя требуется только довериться мне, дорогая Леи, и позволить своему телу использовать врождённый у любого человека музыкальный дар как ему подобает быть использованным.

Лорелеи почувствовала румянец на щеках. Впервые кто-то кроме мамы назвал её Леи. Ей нравилось это. Амелия источала особенное тепло: такому человеку хотелось отдаться всем сердцем. Она представила, как певица выступает в большом оперном зале полном тени и бархата. На просторной сцене она делает глубокий вдох, и раскатистые нежные ноты льются из её груди. Никто не сомневался, что эта женщина делает голоса, а не просто учит петь.

– Итак, моя хорошая, постарайся повторить для меня эти ноты.

Амелия сыграла несколько нот, которые девочка силилась взять, а как бы она ни пыталась, звук не давался ей. Певица только качала головой и перебирала одну за другой клавиши. К концу занятия Лорелеи опустилась на табурет чуть ли не в слезах.

– Я не умею петь, – настойчиво твердила она.

– Дорогая, – певица опустила крышку рояля, – ты не должна уметь петь. Ты должна только дышать и доверяться. Самые сложные звуки идут от простого выдоха. Людской природе свойственно усложнять самые примитивные вещи, но ни в коем случае это недопустимо в музыке.

С глубоким вдохом Амелия запела. Она широко раскрыла рот, чтоб все до единого звуки выходили из горла, а руки развела в стороны, как будто ловила ими ноты. Комната наполнилась чистейшим вокалом. Леи слушала с замиранием дыхания. Этот простой звук колыхал что-то настолько глубоко в её душе, что к горлу подступили слёзы. Лишь певица смолкла, на комнату опустилась непривычная тишина.

– Ты обязательно будешь петь, моя дорогая. Я сделаю твой голос инструментом, с помощью которого ты будешь играть музыку напрямую из собственной души, милая. Не сомневайся во мне.

Леи распрощалась с Амелией на добродушной улыбке. Пока она шла по вельветовым коридорам до малой дверцы,

ей хотелось снять обувь и всей стопой утонуть в шелковистый вельвет. Вокруг была тишина, а трепещущие язычки свечей, случайные двери, картины, вельвет, цветы – весь интерьер всё что-то шептал на ухо.

Девочка вышла на крыльцо. Она поцеловала дверь на прощание и пошла домой по освещённой карамельными фонарями улице. Мимо дети спешили домой, а с побережья доносились журчанья воды. На горизонте, высоко над полосой, где встречались небо и земля, светилось пару далёких точек. В Лорелеи теплилась надежда, что одна из них – это маяк, откуда мама присматривает за ней. Как б она обрадовалась узнай, что её дочь наконец принялась петь! Мама мечтала являться на концерты своей девочки и часами слушать взапой, а под конец минут пять аплодировать стоя вместе со всеми. Она всегда говорила, что у неё ангельский голос. Весь вечер Лорелеи пела от самого сердца за любым делом, и пусть ноты не давались с первого раза, пела она душой, а так мелодия оживала лучше чем от любой техники.

Картина 5 – ваниль

За окном далёкое побережье с золотым песком и васильковой водой переливалось на солнце. В этот жаркий день девочка мечтала, как они со Скайтом спустятся к воде. Как они будут плавать в море, ходить по песку, смотреть за кораблями в подзорную трубу и забираться на высокие утёсы, откуда видна сеть маяков в далёких землях. Эти отштукатуренные белые башни мама считала мостами в другой мир. Будь её воля, она б никогда не покидала кабины маяка. За несколько дней до кончины мама прошептала Лорелеи своё последнее желание – она попросила девочку в память о ней навестить её любимый маяк.

В тот день Лорелеи отправилась к бабушке. Под вечер они любовно рассказывали друг другу истории о маме. Бабушка вспоминала, как она родилась. Это было очень давно.

Бабушка приехала в незнакомый город, где сошлась с одним простолюдином. Денег у них не было, оттого она занялась пошивкой одежды. Всем портняжным и ткацким тонкостям её научила мама. Сперва она делала одежду для знакомых, со временем молва о её ремесле разнеслась по всему городу, и заказы посыпались отовсюду. Бабушка открыла своё ателье и одевала чуть ли не весь город. Заработав денег, вместе с мужем она поселилась в вилле у озера. Он был художником и придумывал рисунки для её одежд. Вдвоём они

жили в покое и достатке, любви и гармонии, и только детей бог им не посылал.

Мама родилась тоскливым дождливым днём. Она была долгожданным ребёнком в семье – с первого дня её окружили любовью и заботой. Да спустя пару месяцев счастья в морозный зимний день бабушкин муж заблудился на озере и замёрз. Его так никогда и не нашли, бабушка толком-то похоронить его не смогла. Это событие принесло ей много горя, но ради маленькой дочери графиня справилась с печалью. Она перебралась в другую усадьбу и зажила новой жизнью.

С юных лет мама была приткой девчонкой. Она карабкалась по стенам, пряталась на чердаке, гуляла по крыше и залезала на верхушки деревьев. В округе не было её одноклассников, поэтому она проводила всё своё время в усадьбе или на берегу озера. С утра она садилась на велосипед с корзинкой впереди, час ехала через поле ржи к берегу, а там весь день играла с галькой да исследовала маяки. Тогда маме впервые приглянулись вода и маяки. Для маленького ребёнка они выглядели как загадочные шпили, упирающиеся в облака. Древние, с обветшалой белой краской, распахнутыми деревянными дверьми, из-за которых доносился тёплый запах солёной ржавчины. Только голод мог выманить маму из кабины.

Лорелеи накинула на плечи лёгкую мантию и вышла на улицу. Солнце ещё не взошло над домами, а кафе только открылось. Кофевар встретил девочку ароматным ваниль-

ным кофе с корицей. С двумя горячими кружками в руках Лорелеи прошла за стол, где дремал Скайт.

– Просыпайся, соня, – ласкового проговорила девочка, ставя перед Скайтом чашку.

– Ох, что за запах? – мальчик пригнулся к кофе. – Ваниль...

Он отпил немного. Скайт прикрыл глаза и замычал от удовольствия.

– На поляне рядом с моим домом рос куст ванили. Его туда как сказочным ветром занесло. Цветы на нём были большими, ароматными и воздушными, как ни одни другие в лесу... Рядом как ни глянь, всегда было полным-полно животных. Пчёлы-бабочки облепляли цветки и разносили аромат по всей поляне. Я-то с дерева собирал стручки ванили и высушивал их. Мама молола их и добавляла в пироги. Она учила, что ваниль – это основа любого вкуса, на неё что угодно хорошо ложится и становится в разы лучше. Ягоды, например. Но я любил просто ваниль. Помню, постоянно просил маму делать пироги с чистой ванилью, а сестра всё старалась побольше ягод положить. Поэтому мама редко готовила с чистой ванилью. Каждый раз для меня это был настоящий праздник.

– Теперь я буду всегда брать для тебя кофе с ванилью, – сказала девочка. – Я рада знать, что тебе по душе!

Молча они делали небольшие глоточки. Хотелось ловить всякую нотку этого вкуса, пробовать и пробовать, и сколько

он ни вертелся на языке, никогда не приедался: настолько он был тонок и желанен. Лорелеи почувствовала, как она хотела прикоснуться к кисти Скайта, но она не знала, уберёт ли он руку. Девочка никогда прежде не любила. Она не знала, что это за чувство. Леи только видела Скайта и понимала, что всё в нём такое родное и знакомое, но и полное чудесных загадок. Она влюблялась и не могла ничего с собой поделать, и ей нравилось это.

Леи сделала глубокий вдох. Сердце стучалось как заведённое. Она взяла его за руку и поднялась с дивана. Скайт встал следом. Мелкими шажками Лорелеи повела его к выходу. В руке она держала его тепло, а он сжал тепло её. Они принимали друг друга.

– Я знаю одно место, которое мне непременно хотелось бы разделить с тобой, – сказала девочка и вывела его на улицу.

И они пошли по жарким проулкам, в которых разнёсся запах утренней выпечки. В пекарни только выстраивались очереди. Ночная прохлада смешалась с полуденным зноем. Девочка вела Скайта к побережью. Они спустились к воде и направились к лесу. Лорелеи обогнула несколько булыжников и вышла к небольшой беседке, чьи белоснежные перекладины увивали вьюнки и виноград. Внутри они сели на лавку плечом к плечу, сквозь цветы наблюдая море.

– Я нашла это место совершенно случайно. Здесь редко кто появляется, а море видно много лучше. Я прихожу сюда побыть наедине и подумать. Теперь я доверяю это место

тебе.

Солнце горело тысячей огней на воде. Тут и там колыхались мачты кораблей и паруса развевались на ветре. У Лорелеи во рту стоял вкус ванили. Ей всю жизнь хотелось чувствовать ваниль в своём дыхании.

– Ты помнишь своих бабушку с дедушкой? – тихо спросила она.

– Маминых – не очень хорошо, – ответил мальчик, – а папиных ещё как! Они не любили оставлять свой дом. Совсем небольшая хижина на утёсе, в грозу аж высокими волнами крышу накрывало. Внутри всегда темно и редко когда на целую хижину зажигают больше свечи. Дедушка с бабушкой счастливо жили там. Они подолгу смотрели на синее море из окна, а бывало как садились на велосипеды и весь день колесили по небольшому островку. Они врывались в тихие улицы соседнего городка и разгоняли всех голубей и кошек. Ах, резвые были, как юнцы! Душой они никогда не старели. Я был у них всего пару раз, но разве такое забудешь... Помню, с утра мы вставали рано, садились на велосипеды, ехали в ближайшую деревню и вставали в очередь в пекарню. Хлеб там пекли с корочкой, ароматный, румяный и пахнущий сливочным маслом, и в руки людям давали ещё горячим. Мы покупали целую буханку, потом брали литр топлёного молока, ломали буханку на три части и по дороге домой съедали всё. Ох, а как мы ходили в лес по грибы и чернику, а потом бежали по полю домой, спускались в погреб и выпи-

вали целую банку ледяного персикового сока, живого, свежего. Днём торчали в огороде, пололи, окучивали, отмахивались от комаров и много смеялись. А под вечер садились у окна за стол и пили чай с лимоном и мятой, глядя на улицу, слушали сверчков, и бабушка с дедушкой рассказывали свои истории: над одними смеёшься до упаду, а другие серьёзные, поучительные. Они были мне лучшими друзьями, честно, таких никто не заменит.

– Я хочу провести свою старость только так. Представь... Ездить на велосипедах по просторным холмам, собирать травы аромата ради и иметь маленький огород мяты на чай, есть свежий хлеб на рассвете и на ужин заваривать чай из той самой мяты, с лимоном и мёдом, и росы с листьев.

– Скайт, – сердце выпрыгивало из груди, – ты не думал, с кем тебе хочется провести свою старость? Если я проживу больше полувека, мне наверное захочется разделить последние годы с кем-нибудь.

– В глубине души я мечтаю о старости, – Скайт осторожно двигал свою руку к Лорелеи. – Я хотел бы провести свою старость рядом с тобой. Мне хочется справить всю жизнь бок о бок. Ты стала домом для меня. Я впервые в жизни называю домом человека. Ты согреваешь меня лучше любого очага. А самое главное в старости – не потерять этот блеск в глазах. Я и не сомневаюсь, что вместе нашим душам будет некогда стареть.

Девочка налилась красками. Тонкие пальцы Скайта осто-

рожно сжали её руку. Он взял её ладони в свои и заглянул ей в глаза. В них он нашёл звёзды. Они опустили веки и прижались губами к рукам. Минуты летели как секунды, а часы шли как минуты.

Леи поднялась со скамьи. Рука в руку со Скайтом она спустилась к побережью. При шуме волн они остановились и взглянули друг другу в глаза. Нежными движениями, осторожно, аккуратно они оголяли друг друга. Полностью нагие они вошли в тёплую воду. Море приняло их. Они плавали, звонко смеялись, соприкасались и ныряли за морскими диковинами на самое дно. Вода смежала границы между ними, и как душами, так телами они полностью принимали друг друга среди тысячи тёплых поцелуев моря. Их тепло сроднилось в единое целое. Лорелеи помнила, как Скайт держал её на руках на отмели, как её тело омывала облачная вода и его поцелуи, и как он смотрел в её глаза вместе с солнцем – её слепило от его улыбки, от этой любви в его глазах. Их души пели.

Остаток дня они провели на песке, глядя на море, солнце, слушая чаек и без единого слова говоря о самых важных вещах на свете.

Картина 6 – корица

С лучами закатного солнца Лорелеи покинула дом. После целого дня чтения и написания малых историй она думала заглянуть к Скайту на чашечку вечернего кофе, а там зайти в лавку за наполнителем для трубки.

Саму трубку Лорелеи нашла совершенно случайно. Папа подарил её маме, а та использовала её раз-два и стала держать как сувенир.

Большинство вещей мамы привёз папа из своих далёких плаваний. Мама с папой любили друг друга без ума, но редко виделись. Вся их любовь жила в письмах, заморских посылках и случавшихся раз в три месяца встречах. Лорелеи знала папу только по рассказам. Он с детства искал уединения, хотя больше всего боялся, что родные люди забудут его, оттого домой он привозил множество сувениров и историй. Правда сколько лет ни прошло, мама всегда помнила его с любовью.

Трубку мама хранила в запертой на ключ тумбе вкупе с вишнёвым и дынным наполнителем в шкатулках. В тот же день, когда она нашла трубку, девочка впервые попробовала вишню. Прохладной ночью Лорелеи вышла в переулок, взяла трубку в пальцы, зажгла её и глубоко вдохнула сладость. Девочка стала каждую ночь выходить на улицу, чтобы подышать вишней. Аромат помогал ей справляться с печалью. На похоронах она жутко дымила без остановки, чтобы спря-

таться от уродливой реальности за дурманной завесой. Бабушка тогда обняла девочку и затушила трубку. Она сказала, что даже вишня может увянуть, если заставлять её цвести круглый год, утерев слёзы Леи.

В кафе Лорелеи взяла ванильный кофе для Скайта и вишнёвый для себя. Кофевара изо дня в день посещало вдохновение, как какого-нибудь художника. К нему приходили вкусы, пока вдали от людского глаза Леи корпела над строками. Их обоих посещали разные музы, да вдохновение в них жило одинаковое. А сколько ещё сердец и душ оно роднило по всему свету?

Девочка присела на диван напротив Скайта. Мальчик сразу отпил немного кофе из своей чашки. Леи улыбнулась. С первой минуты их знакомства Скайт всегда находил повод принести радость на её лицо.

– Я никогда не рассказывал тебе об одном сквере, который зовут Уголком Птенцов? – начал Скайт. – Там собирается много детей, а все высокие деревья увиты гнёздами. С утра до ночи в них щебечут птенцы. Родители приносят им еду от людей снизу, а потом учат самих птенцов спускаться за ней. Больше всего их любят дети. Самые ловкие забираются в кроны и кормят птиц с рук. А деревья там уж какие высокие! С них виден весь город.

– Мы обязаны побывать там! Представь: сидеть на скамьях под раскидистыми кронами и любоваться жизнью вокруг. Станем как неторопливые старики наблюдать за юнца-

ми и вспоминать себя в их годы. Ведь в их душах ещё больше резвости, чем в детях, но они не отваживаются показывать её и весь день проводят на скамейке, глядя на свободных птиц. Они ведь тоже покорно ждут удобного случая раскинуть свои крылья и взлететь...

– Лорелеи, – прошептал Скайт, – прошу, что ни случись, не забывай меня. Я впервые в жизни нашёл дом в людском сердце, и мне страшно потерять тебя, страшно быть рядом и вдруг причинить боль. Всё в тебе кажется таким родным, и я всякий вечер словно с собственной душой разминаюсь. Я оставляю тебе книжки, только чтобы ты помнила меня, и каждый день я надеюсь, что ты появишься снова. Я испытываю столько новых чувств и не знаю, куда податься. Мне так хорошо с тобой и становится страшно хоть шаг сделать без тебя. Знай, что даже если я далеко, моя душа всегда рядом. Я никогда не оставлю тебя. Пожалуйста, не забывай меня, потому что для меня нет ничего тебя святее.

Леи молчала. С каждым днём она чувствовала всё жарче разгоравшееся в груди тепло, которое принёс туда Скайт. Оно придавало ей силы. Лорелеи была уверена, что это тепло поможет ей справиться со всем. Она проходила по многим местам и находила его всюду: в тихих переулках и скрипучих вывесках магазинов антиквариата, откуда веяло душой, чайных магазинчиках и запертых до лучших времён погребов. Люди собирали это тепло, клали его на бумагу, выдували в ноты, смешивали с краской и рассказывали о нём дру-

гим. Весь мир Леи стал ярче и чудеснее с ним. Однако вместе с тем она больше всего на свете боялась упустить это тепло. Ей казалось, что без него её сердцу больше не жить. Все чувства Скайта были знакомы ей как родные, и тем страшнее ей было сознаться в этом.

– Я иногда ловлю себя на мысли, что мне хочется проводить куда больше времени с тобой. Мы могли бы сходить ко мне домой и заварить много зелёного чая. Я бы приготовила тебе бабушкин яблочный штрудель, накормила б сушёной земляникой и между делом рассказала бы тебе ещё столько историй и воспоминаний. Мне хочется держать тебя ближе к себе.

Лорелеи смолкла. Они слушали тиканье часов и смотрели на свечи в красных матовых плафонах. На улице стемнело быстро и зажглись фонари.

– Мне пора, – Леи встала на ноги. – Скайт, молю, знай, что ты важен для меня. Я никогда не чувствовала себя прекрасней, чем рядом с тобой. Без тебя я не знаю себя. И у меня нет слов, чтобы объяснить тебе всё, что я чувствую, но я уверена, твоё сердце знает о том лучше меня. Я тоже волнуюсь. Правда я верю тебе.

– Спасибо, Леи.

Сердце девочки выпрыгнуло из груди. Лорелеи прижала вязаную сумку к груди и вышла из кафе. Он назвал её Леи. Это имя напоминало ей о детстве, когда мама с бабушкой при свечах сидели в креслах рядом с вёдрами пахучей сире-

ни в большой гостиной и вязали, а она играла на полу. Мама хихикала, а бабушка мило улыбалась. В тот вечер мама связала сумку и первый раз назвала девочку Леи. В этом имени было тепло и покой тех дней.

Всё это тепло, заботу, нежность, ласку и покой он оживил в настоящем своим голосом и одним только словом.

Картина 7 – бадьян

Тихий шум ночных волн приносил на улицы сказки, которые закрадывались в дома и дарили людям сны. Девочка мягкой поступью исследовала город. Улицы пустовали, и ей думалось, что она одна не спит во всём городе. Лорелеи представляла, как она будет водить Скайта по тёмным закоулкам и показывать ему звёзды в небе, а потом они спустятся к побережью и до раннего утра будут плавать в тёплой воде.

Мама с малых лет познакомила девочку с морем. Единственное её воспоминание о папе было связано с ним. Всей семьёй они отправились на побережье собирать ракушки и сидеть в песке на отмели. Леи помнила свежий морской воздух, гуляющий по коже, яркое солнце, морскую пену, круглую гальку, светлые небо и воду: они словно перетекали друг в друга. Она помнила, как папа говорил, что однажды они все поселятся в хижине на таком побережье и каждый день будут вставать вместе с солнцем, а он больше никуда не будет уплывать. Да на следующий день он взошёл по трапу на палубу и исчез навсегда.

Девочка обогнула угловую пекарню и вышла на небольшой сквер, посреди которого росло могучее дерево. В глаза Лорелеи бросилась яркая витрина со всякими безделушками: куклами, мельницами, и расписными швейными машинками с колёсами и подставками, и дирижаблями, и воз-

душными шарами. Туда Леи и направлялась. Мама чуть рассказывала об этой лавке. Каждый мог выставить своё добро на витрине, и люди сами решали, что стоит вещица. Вместе с приобретением народ уносил домой рукодельную частичку чьей-то души. Держал лавку один старик-изобретатель, и кто не знал его – все чудеса о товаре сказывали. Мама мечтала заглянуть внутрь, но никак не находила времени; только проходила мимо и мечтательно вздыхала. Она всё разъезжала по своим оранжереям.

Мама выращивала цветы, а за оранжереями приходилось постоянно следить. Она говорила, что есть много разных способов создавать что-то прекрасное, и она выбрала делать это с помощью цветов. Художником или артистом звался всяк, кто делает что-то хорошо и с любовью, по её словам. Художником она часто звала своего кофевара и булочника, садовницу, которая помогала ей заботиться о лилиях, и папу, который приносил в её сердце незабываемые чувства.

Девочка медленно прошла под деревом к выкрашенной в белый дверь. Листья шумели от дыхания ветра над головой. Внутри её встретил сладковатый аромат бадьяна, карамельный свет и высокие шкафы с полными поделок полками. То тут, то там в комнате стояли горшочки с цветами, фонтанчики, маятники, часы и чаши с пёстрыми рыбками внутри. За прилавком дремала маленькая девочка с белыми как снег волосами. Леи хотела было подойти к ней и спросить, где хозяин, как она встрепенулась, посмотрела на гостью широко

раскрытыми глазами и убежала за ряды шкафов, клича кого-то по имени. На прилавке осталась тряпичная кукла. Кое-где торчали лишние нитки, улыбка была чуть кривой, а глаза-пуговицы не подходили друг другу по размеру, но её сделали с душой. Это было куда важнее идеальных швов.

– Здравствуйте, мисс, – из-за прилавка вышел старец. – Меня зовут Кобо, и я заведу это место. Чем могу быть полезен для вас?

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.